

Дорогие Друзья, стало доброй традицией приглашать в гости интересного человека. И сегодняшняя наша встреча не является исключением. Непростая судьба у нашего сегодняшнего гостя. Интересная. Все знакомы с его творчеством. Слышали. Читали. Знакомые рассказывали. Но мало кто знает Автора.

Итак, встречайте. Александр Сидоров.

Сидоров Александр Анатольевич. Псевдоним Фима Жиганец. Родился 30 апреля 1956 г., Ростов-на-Дону. Отец Анатолий Ефимович (закройщик обуви), мать – Сидорова (Бациева) Ольга Георгиевна (закройщица обуви). В 1973 году Александр кончил среднюю школу № 24 (Ростов – на – Дону), после этого поступил и окончил в 1979 году отделение журналистики филологического факультета государственного университета.

Первые свои стихи Александр Сидоров написал в 6 классе, а первая поэтическая публикация состоялась в 1973 году в газете «Молодой журналист». С 1980 по 1997 год Александр Сидоров служил в органах МВД. 1980 - 1987 гг. - корреспондент газеты для осуждённых; 1987 - 1997 - редактор областной газеты для осуждённых «Тюрьма и воля»; 1997 - 1999 - редактор регионального выпуска газеты «Московский комсомолец» по Ростовской области, параллельно - работа с русской службой Би-Би-Си (программа «Аргумент»).

С 1999 по 2001 - собственный корреспондент газеты «Сегодня» по Ростовской области; с 2001 - собкор ежедневного издания "Газета" (Москва) по Ростовской области, редактор отдела социальных проблем областной независимой газеты "Седьмая столица", корреспондент информационного агентства ФРАНС ПРЕСС. С 2004 по 2008 годы был редактором отдела газеты «Южный репортёр» (Южный федеральный округ), корреспондентом газеты СКВО «Военный вестник Юга России», корреспондентом южного отделения «Российской газеты».

Сейчас – собственный корреспондент информационного агентства «Интерфакс-Россия» (interfax-russia.ru). Журналист, филолог, писатель, переводчик, специалист в области уголовно-арестантского жаргона, фразеологии, ненормативной лексики, исследователь

истории российской и советской профессиональной преступности, уголовно-арестантской субкультуры России.

Автор книг:

- * «Словарь блатного и лагерного жаргона. Южная феня» (1992, «Гермес», Ростов-на-Дону);
- * «Мой дядя, падло, вор в законе. Классическая поэзия в блатных переводах» - под псевдонимом Фима Жиганец (1995, «Военный вестник Юга России», Ростов-на-Дону);
- * «Великие битвы уголовного мира. История профессиональной преступности Советской России» в 2-х тт. (1999, «Март», Ростов-на-Дону);
- * «Мой дядя, честный вор в законе. Издранное» - под псевдонимом Фима Жиганец (1999, «Феникс», Ростов-на-Дону);
- * «Тюремные байки. Жемчужины босяцкой речи» - под псевдонимом Фима Жиганец (1999, «Феникс», Ростов-на-Дону);
- * «Классические блатные песни с комментариями и примечаниями Фимы Жиганца» (2001, «Феникс», Ростов-на-Дону);
- * «Кошачья азбука. Стихи для детей» (2001, «Феникс», Ростов-на-Дону);
- * «Русский шансон. Тексты, ноты, история (составлен и откомментирован Фимой Жиганцом)»; (Ростов, «Феникс», 2005);
- * «Жиганы, уркаганы, блатари. Подлинная история воровского братства. 1917-1940» (Москва, ЭКСМО, 2005);
- * «Воры против сук. Подлинная история воровского братства. 1941-1991» (Москва, ЭКСМО, 2005);
- * «Russian Criminal Tattoo. Encyclopaedia/ Volume III» (London, 2008);
- * «Лучшие дворовые песни. Песенник с нотами и аккордами» (Ростов, «Феникс», 2010).

Помимо этого, автор книг по боевым искусствам:

- * «Каратэ-до» - в соавторстве с А. Кабановым (1990, «Красное знамя», Ростов-на-Дону);
- * «Великий Маленький Дракон. Рассказы о Брюсе Ли» - под псевдонимом Александр Стэнфорд (1991, «Инпресско», Ростов-на-Дону).

В этом году в одном из московских книжных издательств готовится к выходу книга под условным пока названием «ПЕСНЬ О МОЕЙ МУРКЕ. История великих уличных, уголовных и арестантских песен». Это – объемное и вместе с тем увлекательное литературоведческое, историческое и в некотором смысле этнографическое исследование классики «низовой» песенной культуры.

Не исключено, что книга станет лишь первым томом серии, поскольку о многих каторжанских, босяцких, беспризорничьих, блатных и лагерных песнях можно рассказать потрясающие истории. Фактически каждый рассказ – своеобразный маленький детектив.

В 2003-м году песня на стихи Фимы Жиганца "Романс про Изю Шнеерсона" вошёл в юбилейный лазерный диск Михаила Шуфутинского "Ура! Бум! Бум!". Несколько блатных переводов классической поэзии приобретены у автора и использованы в сериале "Боец" (НТВ), а также в компьютерной игре «Санитары подземелий». Фима Жиганец консультировал часть сериала «Зона».

Любимые исполнители:

Сам [Александр Сидоров](#) среди любимых исполнителей выделяет Фёдора Шаляпина, Изабеллу Юрьеву, Вадима Козина, Пётра Лещенко; из более поздних – это Борис Ребров, Борис Рубашкин, Алёша Дмитриевич; среди исполнителей уголовно-арестантского шансона – Аркадий Северный, Дина Верни, Михаил Гулько, Константин Беляев, «Братья Жемчужные».

Своими учителями считает Александра Вертинского, Владимира Высоцкого, Булата Окуджаву. В 2004 году песня на стихи Александра Сидорова «Ростовский вальс» в исполнении Михаила Волоша признана лучшей в конкурсе «Шансон в Ростове», в 2009 году она стала лауреатом конкурса песен к [260-летию](#) Ростова.

Александр, Здравствуйте. Большое Спасибо, что согласились встретиться и побеседовать. Иногда взрослые удивляются. Как ребёнок может помнить, то чего он помнить не может, по определению. Им бывает невдомёк, что память детская как губка. Впитывает всё, запоминает. И каждый помнит что-то своё. Что можете вспомнить Вы? Какой он город Детства? В чём его неповторимость?

Город детства – что-то странное, удивительное. Не секрет, что ребёнок острее воспринимает всё – запахи, звуки, краски... Радости и обиды. Я помню себя и свой город, пожалуй, лет с четырёх-пяти. Жили мы на тогдашней окраине – Ростов-гора, Рабочий городок, район Восемнадцати домов.

Недавно благодаря сайту «Мемориал» нам с двоюродной сестрой удалось найти память о своём деде по отцу, Ефиме Матвеевиче Сидорове, который пропал без вести под Харьковом в 1941 году. Оказалось, что до начала 1945-го он был узником фашистских концлагерей. Последний – Шталаг. Так вот, в сведениях, которые записаны немцами со слов деда, так и стоит Wosemnadzat domov... Вот такая топография.

Трёхэтажные четырёх подъездные мрачные серые здания наподобие казарм, но для 30-х годов, когда они строились, это был комфорт: коммуналки всего на двух хозяев, с приличной кухней – метров девять.

Ну, мы отвлеклись, хотя и это – мой Ростов, Ростов моей памяти, переданный мне моей покойной бабушкой Риммой Ивановной.

Мой же – светлый, необычный, яркий. Настолько яркий, что и сейчас, проходя по некоторым местам, я «накладываю» на них свои воспоминания, они живут для меня в четырёх измерениях. Я помню хорошо свой детский сад с верандой, с сырым закутком между боковой стеной здания (слева) и забором, где всегда было влажно и земля не высыхала.

Помню удивительный парк на нынешней Комсомольской площади, куда мы ходили гулять, тянулись за воспитательницей парами, как цыплята за курицей. Помню и Парк Строителей несколькими остановками дальше. И удивляюсь: как далеко, оказывается, мы заходили! Тогда это был скромный парк с широкими дорожками, посыпанными жёлтым гравием или тырсой.

Что меня всегда тянуло к себе, так это особые беседочки в парках, где были расположены своего рода общественные библиотеки с немудрёными книжками, кипами газет и журналов. Мне страшно интересно было там возиться, тем более читать я начал очень рано, между четырьмя и пятью годами. Выучила старшая двоюродная сестра Людмила, которая ходила в школу и любила сама играть в учительницу. Страсть к книгам у меня была болезненной...

Яркие впечатления детства... Это, конечно, металлическая фигура богатыря с мечом, занесённым над драконом. Фигура стояла в центре фонтана слева от кинотеатра «Ростов» (слава Богу, она сохранилась и до сих пор). Как она нас всех, малышню, восхищала!

И, конечно, впечатления от массовых праздничных демонстраций, особенно Первомайских. Это были события! Толпы людей, музыка, песни, общая радость, шествия – сначала до Театральной площади, затем по самой площади с весёлыми криками «Да здравствует что попало!», затем возвращение по центральной улице Энгельса...

Особенно привлекал меня магазин «Океан» с фонтаном внутри; в центре фонтана было мраморное изваяние какой-то рыбы.

А пляж?!!! Ростовский пляж тогда тянулся на несколько километров и был средоточием жизни в выходные дни. Там всё кишело людьми! На левый берег перевозил катер (типа того «старого катерка» из песни Вани Кононова, которая стала так популярна благодаря исполнению Кости Ундрова, а затем – Шуфутинского). Тогда левый берег называли ещё Либердоном. Потом он превратился в Левбердон... Но то, прежнее название мне нравится больше. Возможно, потому, что связано с моим любимым немецким языком. Либердон – значит, любимый Дон.

На Либердоне было всё: кафешки, пиво, мороженое, бильярдные, волейбол, футбол... Сейчас там – мёртвая зыбь. Обмелевший, загаженный Дон – самая большая боль для ростовчанина. Город растёт, хорошеет, молодеет, центр стал потрясающе красивым благодаря реставрации старых зданий и всему прочему. А вот Дон... Говорят, сейчас его будут чистить и углублять: нужно укрупнение порта. Возможно, что-то и изменится к лучшему. Как во времена моего детства...

Хотя есть вещи, которые потеряны навсегда и которых мне безумно жаль. Особенно это касается целой сети «сказочных» магазинов, которая существовала не только в годы моего детства, но и в годы юности, да и зрелости тоже – если идти по Большой Садовой к железнодорожному вокзалу...

Впрочем, тогда эта главная улица Ростова носила имя Энгельса. Так вот, если идти от Ворошиловского проспекта в указанном направлении, на пересечении с переулком Газетным по правую сторону на углу сиял огнями неоновой вывески кондитерский магазин «Красная Шапочка» – один из самых радостных в Ростове, поскольку только здесь можно было под праздники разжиться настоящими шоколадными конфетами и прочими сладкими прелестями жизни.

На светящейся цветной вывеске – Красная Шапочка и Серый Волк. На том же углу Газетного и Энгельса, только по левую сторону наискосок, располагался обувной магазин «Золушка». Двумя десятками шагов дальше – знаменитые «Три поросёнка» - гастроном с весёлыми хрюшками в витрине. Помните, у того же Ундрова на стихи опять же Ивана Кононова:

«Три поросёнка», «Три поросёнка»,
Вы проросли сквозь весь чертополох!
«Три поросёнка», «Три поросёнка» -
Аркашка Кац, Наташка Сац и Борька Кох!

Следом за «Тремя поросятами», на перекрёстке Энгельса и проспекта Семашко, снова по левую руку, за уже упомянутым «Океаном» - магазин игрушек «Буратино» с деревянным человечком, зажавшим в руке золотой ключик...

Идёшь по «броду» (здесь ростовчане особой лингвистической изобретательностью не отличались) – словно по сказке топаешь.

Но с приходом новых перестроечных времён мощный удар был нанесён именно по сказочным персонажам. «Красную Шапочку» сначала просто перепрофилировали в обувной магазин, а затем и вывеску сменили на «Эколас». «Золушка» превратилась в бутик, сменив столько названий, что сейчас уже и не вспомнишь. То же самое и с «Буратино». Спасибо, морского конька на шпиле похожего на игрушку двухэтажного здания не сорвали. А могли...

Дольше всего держались отважные поросята. Поначалу их переименовали в продовольственный магазин не то «Кавказ», не то «Содружество» - в общем, какая-то мерзость с тучей флагов, где, по идее, можно было купить продукты со всего северокавказского региона. Поросята исчезли. Чиновники со свинными мордами пояснили: мол, на Кавказе в основном мусульмане живут, не надо обижать их религиозные чувства... А кто обижает?! Что, кроме магазина №11 по Большой Садовой, 72, не нашлось мест, где можно подружить?

Ростовчане возмутились. Пошла волна публикаций, недоумки из мэрии отступили... В витринах снова появились весёлые поросята, но почему-то – уже в обувном магазине. Что, в общем-то, и не странно: ведь Ростов – крупнейший российский центр по производству подпольной и контрафактной обуви. Достаточно пройти по Садовой, чтобы в этом убедиться. Ни в одном городе страны на главной улице вы не встретите такого количества специализированных обувных магазинов! Создаётся впечатление, что столицу ЮФО населяют сороконожки...

Но вернёмся к несчастным поросяткам. В конце концов, их всё-таки уничтожили как класс. Теперь на месте «Трёх поросят» - опять-таки обувной магазин с солдафонским названием «Аты-баты».

Но вообще Ростов – потрясающий город. Просто – потрясающий. Девушки... Только что беседовал со знакомыми москвичами. Первое, что они воскликнули:

-Разве возможно, чтобы в одном городе собралось СТОЛЬКО красавиц?! Это что-то невообразимое...

Хотя ради справедливости скажу: я в этом смысле был поражён Саратовом.

А город детства... Он воспринимается в основном через само детство. Рассказывать об этом можно долго. Наверное, хватило бы на пару томов воспоминаний.

Александр!!! Сразили наповал. Знаете, если бы было такое звание „Горожанин,, то поверьте, Вы заслуживаете его. И причём первой степени. Безоговорочно. С такой любовью рассказать о городе, может только безумно влюбленный в него человек. Люди, которые жили..... Считаю, что они живы, пока мы помним о них.

Скажите, пожалуйста. Атмосфера города, присущие только ему черты. Как они повлияли на Ваше формирование? Каким Вы были?

Когда-то Людовик-Солнце произнёс знаменитую фразу: «Государство – это я». Вслед за ним могу повторить: «Ростов – это я». Или: «Я – это Ростов». Что, в принципе, одно и то же.

Я не патриот своего города. Я и есть город, часть его плоти. Когда я смотрю на него, я гляжу в себя.

Атмосфера города... Знаете, мне повезло: детство моё, юность, молодость (до 22 лет) прошли на окраине Ростова.

Помните, у Пугачёвой:

Я вся скроена из окраины,
Эту песню я ей отдаю.
И у тех беру силы праведны,
Чья судьба – стоять на краю...

Чудесно сказал Илья Резник. Окраина, фронтир... Жили мы в посёлке Мирный (у нас говорили – «на посёлке»). Посёлок этот начинался с нескольких домов, которые рабочие обувной фабрики имени Микояна строили «кровавым способом». Знаете, что такое «кровавый способ»? Это когда весь день работаешь, а затем идёшь на стройку и сам возводишь для себя дом.

Вот так и эти кирпичные трёхэтажные дома возникли. А радости было сколько! Отец мой и мать построили для себя двухкомнатную изолированную квартирку общей площадью около 35 метров, жилою – 27. Кухня – метра четыре, сначала – с печкой, потом её заменил АГВ-80 – «агрегат газового водонагрева». Жили, как Бог в Одессе.

Вокруг – рощи, ежи, удода, сначала даже зайцы встречались... Да что там! Даже сейчас, когда приезжаю туда, потрясающая разноголосица птичья! Зорянки, лазоревки, соловьи, синицы и не знаю кто. Аборигены рассказывают, что к ним белки прибегают кормиться, с соседней правительственной дачи – фазаны заходят в рощу погулять.

Правда, сейчас все три рощи, окружающие посёлок, стареют и умирают. Больно смотреть на мёртвые сухие деревья.словно по кладбищу идёшь. И никому дела нет. Выкорчевать, посадить новые – городские власти этим не озаботятся. Скотство.

Конечно, моё детство, моя окраина крепко связаны с моим творчеством. Хотя пишу я о них не много. Но, ежели Господь попустит, ещё напишу главное. О том мире, о тех людях, о той атмосфере – жизни на фронтуре. Впрочем, кое-что уже написал. У меня есть цикл стихов о Ростове – «Папа». Одно из центральных – как раз о детстве, о родном посёлке.

На фронтире

Моей малой родине, ростовской окраине - посёлку Мирному

Блажен, как праведник в раю,
Как сытый кот у сливок,
Я из альбома достаю
Забытый фотоснимок.

Кто этот мастер пейзажа/?
В нём столько буйной мощи:
Четыре ржавых гаража
На фоне ржавой рощи.

Но что-то в горле запершит,
И расползётся плёнка,
И на окраине души
Увижу пацанёнка.

Ершистый тощенький пацан
С торчащими ушами,
Он жил, как маленький Тарзан,
И шастал с корешами,

И бед не знал, и не грустил -
Короче, жил фартово, -
В краю, где пролегал фронтир
Беспечного Ростова,

Граница, линия, предел -
Ну, как вам будет проще...
А на фронтире мир - гудел,
Сиял, блаженствовал, балдел
В зелёных дебрях рощи.

А там гулял кудлатый Пан,
Дудел в свои свирели,
А там кустами цвёл дурман,
И все кругом дурели!

Тарзанчик в зарослях кружил
И пропадал часами;
Шуршали шустрые ежи
И фыркали носами,

А соловьиная братва -
Какой там хор из храма! -
Плела такие кружева,
Что просто - Божья ж мама!

Чудесных тайн не открывал

Весёлый малолетка:
Он просто так существовал -
Как жёлудь или ветка,

Как жабы, зинчики, ужи,
Как светлячки во мраке,
Как огороды, гаражи
И мусорные баки,

Как мрачный коршун в небеси,
На Демона похожий:
Его однажды приносил
Сосед с помятой рожей,

Окровавленного, в сетях,
Бессильного и злого;
И даже тридцать лет спустя
Ухмылка птицелова

Всё так же мальчика страшит,
Как эту злую птицу,
И на окраине души
В нём тёмный страх ютится.

В воспоминаниях тону;
Оставив дом, квартиру,
Я улетаю к пацану,
К забытому фронтиру,

Блажен, как праведник в раю,
Как сытый кот у сливок,
Я из альбома достаю
Любимый фотоснимок.

Многие, наверное, читали Данила Корецкого. И знают, что его Тиходонск – это литературное воплощение Ростова.

У меня тоже есть свой литературный Ростов. Называется он Мокрый Паханск. Пишу я о нём с любовью и иронией. Да у меня вообще большинство произведений насквозь ироничны, с примесью доброго юмора и злого сарказма.

Почему Мокрый Паханск? Ну, Паханск понятно – от Ростова-папы. А Мокрый – от города-спутника Батайска, который вырос из посёлка Мокрый Батай. В стихотворении «Ростову, моему папе» я пишу:

Я город свой люблю, как сука
щенка, которого утопят -
смешенье скрежета и стука,
гвалт, грохот, шарканье и топот.

Я будто с детства арестован,
и срок немалый мой мотается

на шумных улицах Ростова,
на пыльных улочках Батайска...

Так оно и есть. И в повествования мои обязательно вплетаются реальные события, здания, улицы, люди Ростова. Вот, например, в рассказе «Мент перед Рождеством» описывается эпизод из прошлого моего города, когда главный герой лежит на кровати в реанимационном отделении центральной городской больницы, рассматривает в полубредовом состоянии двух маленьких ангелов и вспоминает о посещении Мокрого Паханска женой Уинстона Черчилля:

*****Кровать знаменитая**

Притаранила её в славный град Мокрый Паханск жена английского премьера Винни Черчилля - Клементинка. Не то чтобы лично на своём горбу, но всё-таки.

Черчиллиха, как её по-свойски прозвали мокропаханцы, ещё в 1941-м создала фонд помощи России. А спустя два года обратилась к Сталину: хочу, мол, укомплектовать фор раша солдзерс военный хоспитэл. Виссарионыч непонятно с каких делов ткнул повелительной трубкой в наш Паханск. Правда, мечта Клементинки сбылась только в 45-м. Посетила она мазэ Рашу аккурат перед самой Победой, в апреле.

Нагрянула с кагалом в сотню рыл: дюжина бодигардов, два десятка энкаведешников и всякая сволочь для obsługi. В том числе три «грибных человека» - чтобы кто не траванул премьершу ненароком. В Паханске обошлось, зато в Кисловодске бдительные товарищи изъяли две булки шампанского, паштей и заливного поросёнка. Бутылки сгребли чекисты как вешдок. Производителей направили в солнечный Магадан. Но госпиталь Черчиллиха всё ж таки отгрохала, несмотря на херовую шампань.

И вот теперь на одном из британских подарков я отлёживаю бока, а мои пернатые хранители миниатюрными жопками шлифуют набалдашники. За ширмой, по рассказам сестрицы, гордо возвышается операционный стол с медной табличкой «LONDON, 1943».

*-Такого добра у нас по всей больнице полно, - сообщила мне Ирка. – Половина больных - на английских койках. А своё барахло что ни год, то на свалку списываем.****

В таких миниатюрных вставках-новеллах не всё абсолютно документально. Порою есть отступления от реальности, и даже едкая издёвка. Вот в моей новой детективной повести «Умри ты сегодня...» описывается мокропаханский драматический театр, прообраз которого – знаменитый театр имени Максима Горького, построенный в 30-е годы в форме трактора:

*****Мокропаханский театр драмы был известен всему честному глобусу не столько своими спектаклями, сколько архитектурой. Возвели его в 1935-м году отчаянные авангардисты Владимир Судачков и Витольд Фраерзон. В период работы они, видимо, находились в состоянии перманентного непросыхания, ибо на трезвую голову человек такое не думает.**

Два весёлых приятеля придали зданию вид колхозной сенокосилки (или сноповязалки). Парой годков позже за такие фортели их расшлёпали бы на раз, но в эпоху раннего сталинского ренессанса фокус обошёлся без трагических последствий. Бравые архитекторы заявили, что сенокосилка «символизирует трудовую спайку

пролетариата и крестьянства». Пролетариат не успел обидеться, а крестьянство – оскорбиться, как великий вождь спайку одобрил.

В пламенном мозгу Сталина мокропаханский театр мыслился как восьмое чудо света. И эти надежды оправдались на все сто. Даже на сто пятьдесят. За буграми СССР коллеги Судачкова и Фраерзона, увидев их хмельной выкидыш, бесповоротно обалдели и объявили сноповязалку крупнейшим памятником русского конструктивизма. С тех пор в мире отечественную архитектуру представляют два творения: собор Василия Блаженного как свидетельство абсолютной русской гениальности и сноповязальный театр как пример безграничного русского идиотизма.

Чудо природы носило имя поэта-футуриста Вольдемара Скорбного. На заре Советской власти литераторы любили такие прозвища: Максим Горький, Демьян Бедный, Михаил Голодный... Вся эта бражка напоминала шарагу липовых нищих, которые у стен Божьего храма тянут руки за подаянием.

На самом деле Горький грел пятки под нежным солнцем Капри, Бедный нежился на перинах в шикарнейшей кремлёвской квартире, а Голодный до отвала набивал брюхо, между борцом и десертом сочиняя героические поэмы о казнях коммунистов в Берлине. Но так повелось, что на Руси любят именно убогих. И то сказать: кто стал бы читать Максима Сладкого, Демьяна Богатого или Михаила Сытого?

А вот Скорбному и впрямь «не покатило». В 30-е годы его репрессировали и даже несколько раз ставили к стенке (да всё как-то руки не доходили). Потом несчастного стихоплёта попеременно выпускали и сажали до самой смерти Отца народов. Это напоминало развлечение ослика Иа-Иа «входит-выходит».

Наконец, чекистским осликам игра наскучила, и они отстали от Вольдемара, закинув его на Волго-Донской канал. Здесь скорбный футурист, освободившись подчистую, мирно добил остаток жизни, руководя литературным кружком при местной атомной станции. В эпоху перестройки, когда для названия областного театра стали подбирать подходящую кандидатуру, тюремная биография Смиренского сыграла решающую роль.

*Сначала хотели остановиться на Шолохове, но вспомнили, что тот брякнул какую-то гадость про Пастернака или Синявского. Подыскали личность не столь сомнительную. Тем более при виде на театр и впрямь хотелось малость поскорбеть.****

Кстати, поэт Скорбный действительно существовал, и я упомянул черты реальной биографии. Это Владимир Смиренский, писавший в своё время под псевдонимом Андрей Скорбный. Правда, история с переименованием театра выдумана от начала до конца.

Да, город, его окраина, его неповторимый южный дух, это фрикативное «гэ», малороссийские словечки, перемешанные с блатным жаргоном, который для нас, ребят, был неотличим от литературного русского языка – всё это повлияло на моё мировоззрение, во многом вылепило меня таким, каков я есть.

Вообще-то я вырос в рабочей семье. Когда меня спрашивают о социальном происхождении, отвечаю просто: «Потомственный интеллигент: мои родители – сапожники».

Рос я «книжным мальчиком». Отец мой, Анатолий Ефимович, был страстным книголюбом, хотя, по правде, читал всё подряд, отдавая предпочтение лёгким жанрам.

Однако, во-первых, мы выписывали огромное количество прессы. Оставим в стороне «Мурзилку» и «Пионер», но с младых ногтей я читал или листал «Науку и жизнь», «Знание – сила», «Техника-молодёжи», «Вокруг света» (вкуче с литературным приложением «Искатель»), «Здоровье», «Работницу», «Крестьянку»... Газеты как-то не читал.

Отец постоянно доставал «по благу», выписывал с помощью «Книга-почтой», привозил из поездок много самых разнообразных книг. В доме были подписки Хемингуэя, Горького, Шишкова, Чапыгина, 20-томник «Библиотеки приключений», получали мы постоянно книги 200-томной серии «Всемирная литература»...

Помню, мальчишкой ещё прочёл я первое издание «Понедельник начинается в субботу» Стругацких. Вообще любил хорошую фантастику, в том числе, например, Александра и Сергея Абрамовых – «Всадники ниоткуда», «Рай без памяти», «Селеста-7000»... Помню, впечатление произвела вещь Еремея Парнова – «Ключья тьмы на игле времени». Помню Павла Багряка с его неподражаемым инспектором Гардом. Первые вещи Кира Булычёва про Алису – в альманахе «Мир приключений» «Остров ржавого лейтенанта», в «Пионерской правде» - о том, как она перенеслась в Средневековье.

«Всемирка» приобщила меня к классике. Хотя первое приобщение произошло в шесть лет, когда я прочёл «Гаргантюа и Пантагрюэля» Рабле в подарочном издании – огромный том с иллюстрациями Дорэ...

Я очень любил рисовать. Настолько, что мой школьный приятель предлагал мне вместе с ним поступать в художественное училище имени Грекова. Но в конце концов пришлось выбирать, и я выбрал филологию и журналистику.

Это – одна сторона. А другая – та самая окраина, посёлок. Бесшабашность, свобода, радостное сумасшествие от постоянного общения с природой. Честно говоря, чем дальше, тем более обособленно я держался с ребятами. Нет, вместе гоняли в футбол, бродили по роще, устраивали «войнушки»...

Но книги слишком меня засасывали. Поэтому я физически стал несколько отставать. Это грозило превратить меня в цыплёнка. Но – пришла пора поступать в университет, а там мой приятель Коля Близнюк затащил меня в секцию самбо. В общем, волна эта подхватила меня и понесла. И несла очень долго. И здорово помогла в жизни. За что я Коле страшно благодарен.

Вот где-то так. Если вкратце.

Александр, Спасибо. Знаете, после Ваших первых ответов стало как-то легко. Прошло волнение. А я вспоминаю Тбилиси. Город моего Детства. Южный колорит. Рабочая окраина. Даже название. Заводской район.

Помните. Чему нас учит семья и школа? Взрослые пацаны ставили меня карапуза такого (метр с кепкой) на табурет. Устраивались вокруг. И я начинал рассказывать матерные стихи и частушки. Самое интересное, что в силу возраста, их смысла я не понимал. Но мне хлопали, подбадривали. Я распалялся ещё больше. Успех был грандиозный. Потом, правда, дома мне доставалось. Расскажите немного о вашем воспитании в школе, во дворе. Ведь были же принципы, правила...

Тут рассказывать можно многое. С одной стороны, воспитание, которое получаешь от родителей. Это очень важно. Не наставления всякие, а вот то, что врежется навсегда. Помню, мы возвращались с мамой из поликлиники, и я увидел на земле червонец бумажный. По тем временам – серьёзные деньги! Примерно то же, что сегодня – тысяча рублей. Я схватил и радостно принёс маме. Но она сказала: «Не ты положил – не тебе и поднимать». И я оставил червонец там, где он лежал.

Сейчас многие скажут: фу, глупость какая! Но для меня это – урок на всю жизнь. Так исподволь формировались мои нравственные принципы. Из таких «мелочей». Или другой пример. В третьем или четвёртом классе мы с такими же пацанами начали курить. Поскольку денег на сигареты не было, подбирали окурки – «бычки» (слова «чинарик» тогда я не знал).

Однажды, правда, наскребли мелочь на сигареты «Лайка», с фильтром. Помню, я так этот фильтр слюнявил, что он у меня отваливался. В общем, разоблачили нас, конечно, быстро. Мать набросилась с тряпкой, а отец заступился. Но, отправляясь в магазин, с издёвкой спросил: «Тебе какие сигареты покупать?». Помню, это было настолько обидно, что я разревелся...

А потом, поскольку мы выписывали журнал «Здоровье», я особое внимание обращал на всевозможные статьи о вреде курения. настолько, что у меня к табаку и табачному дыму выработался стойкий иммунитет. Так до сих пор и не курю.

Двор, окраина, ребята... Класа до шестого я был крепким пацанёнком, сначала занимался в секции вольной борьбы, потом мы раздобыли редкую книжку по самбо, стали тренироваться... Боролись друг с другом на каждом шагу, на каждой полянке, пятачке.

Однако к старшим классам меня больше потянуло в искусство, в сочинительство, в рисование, в лепку. Стало куда интереснее. В девятом классе мы издавали с другом, Серёжей Чирикиным, рукописный журнал «Улей», стенгазету класса, потом стали писать книжки с продолжением, состоявшие из восьми маленьких страничек с иллюстрациями (четверть тетрадного листа).

А однажды эта страсть чуть не довела меня до исключения из школы. Наша школьная стенгазета была очень слабенькой; выпускала её редколлегия старшеклассников во главе с завучем школы.

Как-то мы с Серёгой вечером после уроков, когда все уже разошлись, сняли её, а на это место повесили листок с басней, которую я сочинил «к случаю»:

Однажды звери постарались:
Газету издали, и в ней
Сотрудники-зверьё пытались
Пороки высмеять людей.

Там за стихи взялись газели,
Ишак заметки поставлял;
Промучились они неделю,
Но всё ж собрали матерьял...

И в том же духе.

Короче, утром был страшный скандал. Нас, впрочем, гроза миновала: классная руководительница, преподаватель немецкого языка Любовь Павловна Панасенко, вывела нас из-под удара. Авторство-то мгновенно установили: наш тандем был известен на всю школу.

Завуч потом ко мне незаметно подошёл и сказал тихо: ну что же Вы, Саша...И, честно говоря, мне стало стыдно.

Вообще у подростка в характере есть много наносного, нехорошего, злого, многие отрицательные черты связаны с тем, что зовётся «психологией толпы». И я не был исключением. Иногда тянуло сделать какую-нибудь гадость, присоединиться к травле приятеля... Избежать этого во многом помогали книги с их благородными, гордыми героями, у которых на первом месте стояли вопросы чести.

Что касается мата... Ну да, конечно, уличный, «низовой» фольклор присутствовал. Помню, распевали:

А это было да в старину,
Да под Ростовом да на Дону –
Базары, бля, базары, бля, базары!

Или:

А святой Матвей
С колокольни своей
Всё сидит да похабно улыбается:
Он и сам бы не прочь
Провести с милой ночь,
Да на старости лет не решается!

Только позднее я узнал, что это – вариант знаменитой песни «Там, где Крюков канал...». «Законно», «пацан» (или, как у нас любили – «пОцан»), «в натуре» (часто – «по нАтуре»), «железно» в смысле – обязательно, «ты чё, блатной?!», «с понтом» и другая лексика уголовного аргю составляла естественную часть нашего языка.

Равно как и южные «жердёла» (дикий абрикос), «синенькие» (баклажаны), «бурак», (свёкла), «с кандибобиром» (невеста что из себя мнящий), «пендитный» (в том же значении)...

Вообще мы, дворовые пацаны, жили дружно. У нас была собственная футбольная команда, а когда рядом построили большой стадион СКА с трибунами на 40 тысяч мест и двумя тренировочными площадками, естественно, мы там пропадали. Что особенно хочется сказать: тогда все – от последних двоечников до отличников – страшно увлекались чтением. Хорошая книга ходила по рукам, пока окончательно не истрёпывалась.

Вот и футбол. Было у нашего двора две любимых книжки. Одна моя, называлась «Тройка без тройки» - о московских ребятах-школьниках и о том, как они создали свою команду. Вторая, «Команда Клапзубов», принадлежала братьям Якбаровым – какого-то чешского писателя, она рассказывала о семье, в которой было 11 родных братьев, и их тренировал отец. Разумеется, их футбольная команда побеждала во всех матчах, причём с разгромным счётом. Книжки эти мы перечитывали и обсуждали бессчётное количество раз...

Значительная часть нашей жизни проходила в густой роще, где мы лазали по деревьям, перескакивая с одного на другое, как обезьяны, строили шалаши, играли в индейцев... Да разве обо всём расскажешь!

Одно могу заявить откровенно: наша дворовая жизнь была насыщенной, в том числе и интеллектуально. И к спорту мы тянулись. Старшие ребята в роще вычистили поляну, сделали турник, небольшие брусья, самодельную штангу. У нас постоянно было соперничество по «набиванию», то есть кто дольше продержит футбольный мяч, подбивая его носком ноги, коленом, пяткой, а также головой.

И ещё раз – книги. Я подчёркиваю это потому, что в начале 90-х, когда мой сын перешёл в шестой класс и мы переехали в рабочий посёлок Сельмаш, он был почти отличником и занимался в классе с математическим уклоном. То есть до Сельмаша. Но в новом учебном году он пришёл домой с вытаращенными глазами. Оказалось, в его новом классе... позорно было читать книги! Идиотизмом считалось самому отвечать на вопрос учителя, пока не спросят. Такого школьника в классе считали выскочкой и уродом. И, разумеется, били.

Да и вообще многое изменилось. Сыну в первый же день пришлось драться по очереди со всеми мальчишками класса, чтобы понять, какое место в иерархии он занимает. К счастью, я тогда уже лет пять занимался рукопашкой и кое-чему его обучил. Он стал в классе вторым – после мальчишки, который сидел в шестом классе уже третий год... Времена меняются. И, к сожалению, не всегда в лучшую сторону.

Александр, Спасибо Вам за ответ. Признаюсь Вам. Мне „повезло,, больше. Мы шли с мамой, и я увидел на тропинке двадцать пять рублей. Столько было радости у меня. Уже думал, что можно купить на такие деньги. Но.... Как и в Вашем случае, мама просто сказала, что бы я не трогал чужие деньги. Вдруг хозяин обнаружит пропажу и вернётся.

Что касается нравов. Если мальчик провожал девочку домой, то считалось позорным подойти к нему и предъявить претензии. Оскорбить, поколотить. Вот когда проводит домой, тогда другое дело. В каждом районе, квартале помимо участкового был ещё так называемый „смотрящий,,. И они вдвоём следили за порядком. Были незыблемые правила, которые непозволительно было нарушать. Никому.

Александр, раз уж я упомянул про девочек... Расскажите как у Вас складывались отношения со слабым полом.

Да нормально складывались. Хотя честно признаюсь: я никогда не был ловеласом и вряд ли на моём счету много разбитых женских сердец. Были, конечно, романы. Были и разочарования. Всякое бывало. Но в конце концов женился я по любви на однокурснице, на четвёртом курсе, и до сих пор мы вместе. Так повезло. А это уже, почитай, 32 года.

Страстей хватало, но как-то не очень хочется об этом особо распространяться. Очень личное. Все страсти и признания – в моих стихах.

Ну, хотя бы такое:

Господи, прости её, красивую -
за мужчин, что взглядами насилуют

и пускают слюни похотливые;

Господи, прости её, счастливую
и далёкую от наших дел греховных,
за убогих, жалких и психованных
наших женщин с лицами плаксивыми -
тоже бывших некогда красивыми,
но измятых жизнью проклятущею;

Господи, прости её, цветущую,
с влажным взглядом, бархатною кожею,
на земных красавиц непохожую,
за морщины, шрамы и оплывшие
щёки, о румянце позабывшие,
за кривых, горбатых и юродивых
и за всех, что выглядят навроде их,
за ожоги на душе и коже
ты прости ей, всемогущий Боже.

Господи, прости её, любимую:
бьёт она, как белку в глаз дробиною
лупит сибиряк - без сожаления;
перед нею грохнусь на колени я,
хлынут горлом горькие признания -
и скончаюсь, не придя в сознание.

А она, воздушная и нежная,
примет эту смерть, как неизбежное,
только хмыкнет: эх беднягу скорчило -
хорошо хоть, шкурка не попорчена;
томным взором под ноги уставится...

Господи! прости её, красавицу

А вообще бывают странные вещи. Как-то несколько лет назад на одном из литературных вечеров мы разговорились с ростовской писательницей, и она мне сказала:

-Саша, а я знаю девушку, которая в вас была безумно влюблена в годы вашей студенческой юности!

Я заинтересованно спросил – кто?

Но она ответила, что поклялась эту тайну не выдавать.

Ну что же, в конце концов, и я не выдаю всех, в кого был влюблён.

Спасибо за ответ. Это ответ настоящего Мужчины. По-другому и быть не должно. Нельзя выдавать тех, в кого был влюблён. Тридцать два года заслуживают уважения большого. Действительно повезло. Представляете, пишу эти строки, а сам думаю. Нормальные вещи. Жениться по любви. Жить с одной единственной и любимой женщиной. Эти понятия стали, к сожалению, исключением из правил.

Александр, коли уж заговорили на эту тему. Расскажите немного о Вашей единственной. Какая она? Почему Вы обратили на неё своё внимание? Ведь, кто бы, что не говорил. Любовь существует. И это самое главное. Всё для Любви и во имя Любви. Пока мы любим, мы живём.

Мою жену зовут Светлана. Познакомились мы с ней во время учёбы в Ростовском университете, на отделении журналистики филологического факультета. Причём как-то в течение почти четырёх лет были просто однокурсниками, никаких «высоких» чувств, друг к другу не испытывали. А затем однажды в день рождения свой я зашёл в общежитие...

Ну, и что-то, видно, у нас перемкнуло. Вообще-то даже странно: она было очень красивой девушкой. Говорю «была» не потому, что сейчас она некрасива, а потому, что молодость есть молодость, в молодости мы все красивее.

Стали встречаться, примерно через год поженились. Знаете, словно глаза открываются. Человека начинаешь видеть по-другому.

Соврал бы, если бы сказал, что всё у нас всегда складывалось гладко. Были и очень серьёзные конфликты, и непонимание. Однако очень повезло, что мы – люди разного характера. Она – сибирячка (из Новосибирска), более сдержанная, спокойная, менее конфликтная. Я – «холерик» из Ростова, вспыльчивый, горячий, нередко даже – «безбашенный». Как-то уравнивалось всегда по жизни.

Очень помогает то, что мы оба – из одной среды. То есть с высшим гуманитарным образованием, общие интересы, общие темы, много общего во вкусах. Но, конечно, не всё. Иначе скучно жить, наверное.

Светлана – мой строгий критик, но и помощник, в том числе – в исследованиях жаргона, истории уголовно-арестантского мира. За столько времени притёрлись друг к другу.

Без жены я как без рук. В буквальном смысле. Я себе разве что чай могу заварить да бутерброд сделать. Не больше... Фактически всё хозяйство – на ней. Но это уже – проза. Впрочем, жизнь не вся состоит из поэзии.

Вы даже рассказываете о Светлане с нежностью. Простые слова, но написаны с нескрываемой любовью. Крепкий тыл, это главное. А ещё Любовь.

Хочу спросить вот о чём. Вы поступили на отделение журналистики филологического факультета государственного университета. Не спрашиваю даже, почему поступили. Это Ваше призвание. Интересно другое. Как в то время учили, и что запомнилось из того времени?

Я всегда утверждал и утверждаю, что советское гуманитарное образование было одним из лучших в мире. Даже учитывая «железный занавес». В университетах СССР действительно давали УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ЗНАНИЯ.

Вот, к примеру, отделение журналистики филфака. Мы в августе 1976 года, на 3-м курсе универа, ездили в ГДР по программе обмена студентами с Ляйпцигским университетом. Встречались с деканом их факультета журналистики – доктором Дузиской, преподавателями, студентами, ездили по Восточной Германии... По-моему, что-то около трёх недель всё это длилось.

Так вот, спрашивают нас их студенты: вы какие предметы изучаете? Ну, мы начинаем перечислять: русский язык, иностранный, история партии (разумеется), история русской и советской журналистики, история зарубежной журналистики от «новелланти» и

«газеттани» до сего дня, логика, философия, история русской литературы начиная с древнейших времён и по сегодня, история зарубежной литературы в том же объёме, отдельно – история русского фольклора, практическая стилистика русского языка, экономика, история культуры, история религий – и т.д., не считая спецпредметов типа теории журналистики, жанров журналистики, курсов вроде «Книга, газета журнал как этапы становления СМИ» - ну, и много милых пустяков вроде краеведения и прочего.

У немцев – глаза, как блюда: А ЗАЧЕМ ВАМ ЭТО ВСЁ НАДО?! Мы изучаем только предметы по специальности...

А затем надо, что университет дал нам (ну, тем, кто хотел взять) СИСТЕМУ ЗНАНИЙ, РАЗДЕЛИЛ МОЗГИ НА СОТЫ И ЯЧЕЙКИ, в которые были вложены первоначальные необходимые сведения с тем, чтобы те, кто желает, могли остальное дополнить самостоятельно. Но – не хаотично, а с толком и с расстановкой.

А уж какие преподаватели были! Слезина Ольга Сергеевна – древнерусская литература. Конспекты я после универа хранил ещё лет 15 – настолько основательны и блистательны были лекции. А сама – с папирисом «Беломор» во рту, с сочными выражениями, от которых ребята наши на пятую точку садились! Чем-то по характеру, наверное, на Раневскую смахивала.

Или обаятельнейшая Алла Арсентьевна Кузнецова - преподавательница античной литературы с волооким взглядом и удивительно пышной фигурой. После её лекций невозможно было остаться равнодушным и к Гомеру, и к мифам, и к Эдипу со сфинксом, и к Петронии – ко всей этой греческой и римской прелести...

И блестящая Нина Владимировна Забабунова – она читала нам «зарубежку» 19-го века уже после стажировки во Франции. В 90-е годы Нина Владимировна выпустила чудесный прозаический перевод «Романа о Розе» Жана де Мена, а также оказалось, что она давно и глубоко занимается пушкинистикой...

Читал нам лекции замечательный Владимир Владимирович Тыртышный – известный журналист, редактор отдела культуры областной газеты «Комсомолец», по внешности и манере поведения страшно смахивавший на Мефистофеля. Как назывался его предмет – не ведаю, но зато помню, что слушали мы этого Мефисто разинув рот. От него я впервые узнал сюжет «Буча Кэссиди и Санденса Кидда». В общем, он учил нас профессии и вкусу к жизни.

Да что там! Это был такой мощный преподавательский коллектив, что голова кругом идёт... Учиться было действительно увлекательно, просто праздник какой-то. Увы, сомневаюсь, что сегодня на факультете журналистики уровень преподавания хотя бы отдалённо приближается к уровню 60-х – 70-х годов прошлого века.

Это – не в обиду сказано нынешним преподавателям, некоторые из которых когда-то были моими сокурсниками. Но... Нет того куража.

Добавить могу только одно. Самая читающая страна. Может я и не прав, но считаю, что лишних знаний не бывает. Вспоминая своих преподавателей, не могу не отметить следующий факт. Им было очень важно, что бы знания дошли до каждого студента. Допускаю, что у них не всё получалось, но учитывая тот колоссальный объём знаний, который они нам передавали, то доходило до нас очень многое. Вы правы, каждый преподаватель был Личностью.

Очень давно слышал такое философское размышление. Если взять людей, которые находятся в местах лишения свободы, и людей которые пока ещё не находятся там (шутка, хотя....), то ещё очень большой вопрос, кто за решёткой, они или мы. Вы свой первый материал, в качестве корреспондента газеты для осужденных помните? О чём он был?

Первый вряд ли помню. А вот первую командировку на зону помню отлично. Это был 1980 год, конец весны или начало лета. Поехали мы вместе с заместителем начальника УВД по Ростовской области, фамилия его была Галяпин. На «Волге», с ветерком. Позже, конечно, в большинство «учреждений» добирался автобусом да попутками.

А почему сподобился снизойти до зоны замнач областного УВД, целый полковник милицкий... Кстати, Фому он не надел, его предупредили, что для зэка она, как красная тряпка для быка. Так что Галяпин был в сером костюмчике штатском. Так вот, повод был торжественный. В колонии строгого режима №9 на окраине города Шахты была организована торжественная явка осуждённого с повинной! Полный маразм, конечно.

Вообще-то явка с повинной – наверное, дело святое. То есть когда осуждённый или подследственный признаётся в тех преступлениях, которые совершил, но об этом «органы» не знают. Ну, и ему не добавляют срок. А то и сокращают. Был такой идиотский лозунг: «Явка с повинной – срок наполовину!». Брехня, разумеется. Никто срок не половинил, более того – если преступление было тяжким, за него срок всё равно добавляли, просто обычно «меньше меньшего». То есть если ты скрыл убийство, а потом всё же признался, тебе могли дать не восемь-десять лет, а года четыре, а то и три с половиной.

Но осуждённые с явкой не торопились. Они резонно прикидывали, что лучше промолчать и не получить вообще ничего, чем получить за серьёзную «делюгу» солидный довесок. Есть такая мудрая арестантская пословица: «Чистосердечное признание облегчает душу и увеличивает срок». Так что – лучше держать метлу на привязи...

Ну, а тут кто-то из сидельцев решил, видно, какой-то незначительный грешок вспомнить: на приличный срок он не тянет, поглощается уже тем, что отсидел, а вот за «благородство» годик хотя бы скинуть могут.

Собственно, так и оказалось, насколько помню. Во всяком случае, объявили. Или заодно там выездное заседание суда устроили, не помню подробностей, я ведь ещё совсем неопытным был. Главное не в этом. Главное в том, что при всей помпе, речах, призывах сам «виновник торжества»... остался, как говорится, инкогнито. То есть он даже не появился на публике. Оно и понятно: свои же могли потом голову открутить, а то и «отпетушить». На строгае такие вещи не приветствовались... Вот поэтому мероприятие вышло каким-то дурацким. Призывали следовать примеру неизвестно кого под звуки тамтамов и фанфар.

А ещё мне запомнился рваный носок Галяпина. Когда полковник вылезал из «Волги», у него наполовину слетела туфля и мы увидели огромную дыру в носке – прямо на пятке... Бывает, конечно. Я вспомнил этот эпизод, когда произошёл конфуз с директором Всемирного банка, который поёр в мечеть, а когда снял обувь, у него высветились дырки аж на двух носках. Так что – Галяпин отдыхает...

Я задал этот вопрос, вот по какой причине. Всё, что Вы пишете, читается очень легко, как говорится на одном дыхании. Но ведь это такие объёмы текста! Как Вам это удаётся? Наверняка ведь есть свои секреты? Как такое возможно вообще?

Просто я всегда ставлю себя на место читателя. Вот как бы я читал эти пласты текста? То есть что значит – как бы? Я постоянно перечитываю то, что написал! И правлю, и режу нещадно. Кроме того, стараюсь выстраивать лексически и интонационно текст как живую речь, как увлекательный рассказ.

Самое страшное – это наукообразие, цепи придаточных предложений, заумных терминов. Иногда, когда с этим встречаюсь в книгах, пытаюсь перевести изложенную автором мысль на нормальный язык. Боже мой, да ведь это убожество, скрытое за глубокомысленным набором слов!

Кто-то умный сказал: поэзия – это умения поставить единственно возможное слово в единственно возможном месте. Того же принципа я стараюсь придерживаться и в прозе.

Александр, Вы автор книг по боевым искусствам. Искусство. Вот, на мой взгляд, ключевое слово. Это вообще отдельная тема для разговора, но тем не менее. Вспоминаю, как очень много людей в массовом порядке стали записываться в секции... Но я также очень хорошо помню, как так же массово стали уходить из секций.

Самбо, карате, дзюдо, у-шу... Это ведь стиль и образ жизни, философия, психология. Можно долго перечислять. Но это ведь, прежде всего и труд. Тяжёлый каждодневный труд. Вот многие и не выдерживали. Что для Вас боевые искусства?

К сожалению, я сейчас не занимаюсь боевыми искусствами. Просто чудовищно не хватает времени. Хотя... всё это можно счесть отговорками. Но это так.

Однако занимался я довольно долго. Сначала – самбо в университете. Никаких вершин не достиг, просто накачал приличную мускулатуру, подрастянулся, более-менее поставил дыхалку. Но затем, когда уже офицером МВД стал заниматься серьёзно у Александра Васильевича Кабанова, оказалось, что я практически ничего не умею и в физическом плане ни на что не тяну.

Первые полгода «лёгких разминок» казались для меня адом. Почти час посвящался непрерывному бегу, прыжкам через барьеры разной высоты и разными способами, в том числе «ласточкой» с группировкой, бегу с падениями, мгновенным вскакиванием и атаками в разные стороны, бегу с партнёром на плечах и так далее. «Передышкой» считалась ходьба «гусиным шагом». Я с большим трудом это вытерпел, через «не могу». Но уже через год стал замечать, что не только не устаю, но мне попросту не хватает этих нагрузок!

К чему это я говорю? К тому, что любое искусство начинается с огромных нагрузок, с того, чтобы привести себя в состояние готовности. До искусства ты должен обязательно овладеть РЕМЕСЛОМ, условно говоря. Чтобы искусно бить ногами в голову, ты должен быть отлично растянут. И когда мне говорят, что, мол, в уличной драке ногой в голову не засадишь, всё это – балет...

Ребята, для качка-толстолобика, может, и балет. Но я знал немало реальных бойцов, у которых ноги так летали, что за ними невозможно было уследить! Помню и одну из своих

тренировок, я был уже достаточно неплохо натаскан. Со мною захотел стать в спарринг учебный новичок, мой знакомый. Я посоветовал ему всё-таки выбрать тоже кого-нибудь из новеньких. Но он отмахнулся – да ладно, чего там...

Через пару минут он замахал руками – всё-всё! Нет, не было никакого контакта, никаких болевых ударов. Просто за это время я обозначил столько ударов по его голове – и маваши, и прямых (и кеаге, и кикомы, то есть протыкающих или подбивающих), что он просто потерялся. Он не мог понять – как это получается, не замечал момент удара. А я владел не Бог весть, какими навыками, это всё было элементарно...

Так и в литературе, скажем. Прежде чем писать, ну научись же элементарной грамоте! Затем почитай то, как уже писали до тебя, можешь и подражать для начала, идти по стопам, а лучше – УЛАВЛИВАЙ ПРИНЦИПЫ, ПРИЁМЫ, КУРАЖ, ЭНЕРГЕТИКУ... И лишь потом у тебя появится собственный стиль.

А зачастую молодые авторы уже сходу убеждены, что стиль у них есть, что они – уже обладатели чёрного пояса! Ну, а что пишут корову через три «А» - это к делу не относится, мол, кучер доведёт, корректор исправит.

Что же тогда удивляться, что вас пинают все, кто ни попадя? Типа: ваще-то я мастер, просто они дерутся не по моим правилам... Дорогой мой, даже просто хорошим бойцом стать – большое счастье (я, честно говоря, о себе этого не могу сказать), а уж создателем собственного стиля... Брюс Ли или Морихей Уэсиба не каждый год рождается, даже не каждое десятилетие. Каждый из них всю жизнь посвятил тому, чтобы стать мастером. И совершенствовался ежедневно.

Вот то главное, что я почерпнул из боевых искусств.

Песня. Наверняка ведь помните эти строки. Нам песня строить и жить помогает. У Вас есть прекрасные стихи, на которые была положена музыка и получились очень хорошие песни. Хотя бы «Романс про Изю Шнеерсона», который поёт Михаил Шуфутинский». «Небесный конвой», многие песни в исполнении Александра Заборского, Михаила Волоша... Мы предоставим читателям возможность познакомиться с оригинальными версиями этих песен.

Когда их слушаешь, то не покидает чувство, что слушаешь народные песни. И удивляешься, когда узнаёшь, что они написаны в наше время. Как создаются стихи? Когда Вы уже понимаете, что вот этот стих превратится в песню?

Честно говоря, не знаю. Так получается, что я не пишу стихи на музыку. Музыку пишут под мои стихи. Что касается уголовно-арестантской лирики, она написана под впечатлением общения со многими десятками бывших сидельцев, изучения истории российского каторжанского, лагерного мира.

Мне смешно, когда кто-то говорит: терпеть не могу эти песни о преступниках, лагерях, зонах! Весь этот блат поганый! Дело ведь вовсе не в антураже. Это всё равно, что сказать: терпеть не могу стихов «про любовь», прозы о врачах, моряках, геологах и так далее.

Вопрос не О ЧЁМ ПИСАТЬ, а НАСКОЛЬКО ТАЛАНТЛИВО НАПИСАНО. Человек попадает в разные обстоятельства. Если ты способен рассказать об этом увлекательно, чтобы пробирало до дрожи, или чтобы читатель хохотал до слёз, чтобы нельзя было оторваться от повести, чтобы хотелось тут же заучить стихотворение наизусть и

повторять – ВОТ ЭТО ГЛАВНОЕ. ВОТ ЭТО ЛИТЕРАТУРА. А о чём роман – о жизни доярок или лагерного шныря, совершенно никакого значения не имеет.

У меня одна из любимых книг – ироническая повесть «О всех созданиях – больших и малых» английского ветеринарного врача Джеймса Хэрриот. Ну, казалось бы, менее интересной темы уже не найти! Автор описывает, как в глухой английской провинции ставил клизмы лошадям и принимал роды у свиней. И т.д. Но – КАК НАПИСАНО! С КАКИМ ВЕЛИКОЛЕПНЫМ АНГЛИЙСКИМ ЮМОРОМ! Какие характеры нарисованы, какой слог...

Так что тот, кто брезгливо морщится при упоминании «лагерной поэзии» или прозы – просто идиот. Конкретный болван. Да, нынешний «шансон», на мой взгляд, на 99% редкостная пакость. Но именно потому, что в подавляющем большинстве вылезают на поверхность откровенные бездари. Эту уже не вина лагерной поэзии. Это беда сегодняшней России. Так же дело обстоит и в любых других жанрах.

Вы и кинематограф. В прошлом году был написан серьёзный, 8-серийный сериал о воровском движении. Когда мы увидим его на экране? Как складывалась работа над ним? Можно приоткрыть немного завесу тайны?

Пока завесу тайны приоткрыть нельзя. Но в общем могу кое-что рассказать. Ко мне обратился один из известных исполнителей, продюсер, просто замечательный человек. Оказывается, он долго следил за моим творчеством, а затем предложил мне проект сериала. Но – особенного.

В определённой мере на сегодняшний день этот сериал – скандальный. Мы помним, с каким успехом в своё время прошла «Бригада» Алексея Сидорова, затем «Бумер», сериал «Зона»... То есть всё это – о людях «по ту сторону закона». Далее стали появляться поделки самого разного свойства, эксплуатирующие эту тематику. «Парни из стали», ещё что-то...

Всё это, соответственно, вызвало негативную реакцию власть предержащих. И, судя по развитию дальнейших событий, была дана команда по-тихому свернуть эту деятельность. Вместо неё стали печь, как горячие пирожки, фильмы и сериалы о «героических ментах». Этой бодягой забит весь канал НТВ.

Но, если замечательные сериалы по мотивам произведений Кивинова были действительно выдержаны на уровне, если народ, в принципе, вполне достойно выступил с прокурорскими «Тайнами следствия», то сейчас почти вся «Мусорская» продукция находится ниже уровня городской канализации.

А фильмы о «той стороне» и вовсе не снимаются. И вот мой напарник предложил мне вместе с ним написать сериал... о становлении вора в законе! Смысл простой: очень крутой по характеру, но совершенно законопослушный парень несправедливо кинут за колючку, находится под следствием, заключён в СИЗО.

Дальше рассказывать не буду, но в результате ментовского беспредела он совершает преступление уже на крытой – получает жестокий срок. И попадает под крыло очень старого вора, нэпманского. Причём – реально нэпманского, который ещё в сучьей войне принимал участие. Вот этот вор и делает из «случайного пассажира» своего преемника. Как?! Ведь и по воровскому закону это нереально...

Моя задача была психологически достоверно выписать всю историю, до мелочей, чтобы в это поверил и зритель, и опытные сидельцы. Со многими у меня были разговоры, я советовался, учитывал их замечания, причём очень жёсткие. Восемь пилотных серий писались В ТЕЧЕНИЕ ГОДА!

Для сериала это срок нереально запредельный. Но у нас была чёткая позиция. Именно этот «пилотник» определяет стилистику, концепцию будущего сериала. Поэтому надо сделать всё, чтобы он был сделан на верхнем уровне. Отточен до предела. Напряжённый, увлекательный и шокирующий одновременно.

Причём сделано это не за счёт чернухи и каких-то навороченных коллизий с потасовками и всякой сексуальной болезненной гадостью, как это любят у нас и за буграми Отечества. Однажды мне Данил Корецкий рассказывал, как ему объясняли люди из кинематографической богемы, почему фильм «Антикиллер» не получил каких-то призов не то в Венеции, не то ещё на каком-то фестивале.

Говорят: старик, в фильме должны быть обязательно евреи, карлики и педерасты! Вот если бы у тебя командир СОБРа и бандит неожиданно встретились в синагоге, это был бы ход! А на ножах дерутся – это проходняк.

Так вот, сразу предупреждаю: у нас в сериале нет ни карликов, ни педерастов. Насчёт евреев не помню, возможно, встречаются. Значит, не всё потеряно.

Александр, а какой Вы в быту? Что предпочитаете из еды? Вы одеваетесь стильно и с большим вкусом. Кто помогает в выборе одежды?

Думаю, что по духу тяготею к комфорту и сибаритству. Другое дело, что под этим понимать. Мы со Светланой после нашей свадьбы 18 лет фактически скитались по квартирам, 16 лет стояли в квартирной очереди. Свою первую квартиру мы получили в 1996 году, то есть нам было уже по 40 лет. Так что комфортом я не был избалован. Но комфортно мне было в одном: у меня всегда была хорошая библиотека – насколько это возможно. Главным грузом при переездах были в основном книги.

Михаил Булгаков говорил, что больше всего в жизни ценит хорошую квартиру, хорошие книги и хорошую одежду. В общем, я с ним согласен. Квартира сейчас у меня достаточно приличная, трёхкомнатная, 82 кв. метра, с кухней-студией, хорошей лоджией, хорошей, удобной мебелью, комфортным, хотя и не очень большим (метров 12) кабинетом. Въехали мы сюда сравнительно недавно, меньше двух лет живём. Пожалуй, в этом смысле на сегодняшний день меня здесь всё устраивает.

Еда? В общем-то, в еде я одновременно и неприхотлив, и капризен. Терпеть не могу яйца в любом виде, даже запаха их готовки не переношу. Жена себе ни яичницу, ни омлет не готовит. Не люблю грибы, холодец – ну, короче, есть целый ряд продуктов, которые я просто не переношу. Зато во всём остальном я неприхотлив.

Могу есть картофель с чем-нибудь типа сосиски или рисовую кашу с молоком. Однако предпочитаю пищу вкусную и хорошо приготовленную. В этом смысле жена у меня выше всяких похвал. Она замечательно готовит борщ, соусы, утку, курицу, отбивные, рыбу...

Люблю её селедку под шубой, оливье (без яиц, конечно), чесночные салаты с сыром и ананасами, форель или сёмге, хотя сейчас это позволяем себе не часто. Ну, юг изобилует

фруктами и овощами, это понятно. Обожаю лимоны, режу тонкими ломтями, макаю в сахар и ем вместе с корочкой. Блаженство...

Одеваться мы стараемся тоже очень хорошо, выглядеть прежде всего стильно. Хотя ведь в основном ходишь в повседневном, спортивного типа. Джинсы хорошие, хорошие рубашки, из обуви чаще всего – кроссовки, предпочитаю белые. Очень не люблю галстуки, даже при костюме. Лучше для меня рубашка с высокой стойкой, но не галстук.

Что главное в одежде? Чтобы чувствовался стиль, но не чувствовалось пижонства. Пусть будет вещь недорогая, но с «изюминкой». Чуть-чуть небрежности, но – аккуратной небрежности. В этом есть особый шарм. И, конечно, чувство меры. Надо понимать, кому гранж к лицу, а кому, извините, к заднице.

Братья наши меньшие. Животные, это самые преданные и чудесные создания. Как у Вас с этой стороной жизни?

Стороной меня это, конечно, не обошло. Но сейчас у нас в семье нет домашних животных. Дело в том, что 11 лет у нас жил кот Рыжик. Это удивительная история. Мы снимали домик в Батайске, и к нам прибилудилась беспризорная кошка. Мы её выводили, и вот на 8 марта в ночь она нас отблагодарила тремя котятами. Причём родила, лёжа у жены на животе.

Знаете, у евреев был такой обычай: служанка рожала в подол хозяйке, и ребёнок считался хозяйкиным. Так и у нас. Мы принимали роды, выхаживали котят, потом раздали. А рыжика оставили себе и в 1996 году привезли в полученную, наконец, квартиру. Строй вариант с голыми стенами. В общем, он был у нас в семье вторым сыном. А умирал очень тяжело. Болезнь у него тяжёлая была... И после этого Светлана сказала: больше не будем никого брать. Смерти второго Рыжика я не выдержу.

Но вообще я – кошатник. Обожаю этих животных.

Традиционный вопрос, который задаю каждому собеседнику. Представьте ситуацию. Просыпаетесь Вы в одно прекрасное утро. А Вам говорят, что теперь можно тратить деньги, и они у Вас не будут заканчиваться. Вот такое везение. На что Вы будете их тратить?

На книги и на помощь людям. Если деньги не будут заканчиваться – вы представляете, сколько квартир можно купить бездомным или тем, кто теснится в каморках?! Скольким ребятам можно помочь поступить в вузы? Да что там... А вы видели, как убого у нас в деревнях живут?! И ещё – я бы открыл обязательно издательство, печатал бы талантливых людей, помогал в распространении книг. Да и фильмов тоже, и картин.

В общем, почти исключительно тратил бы на других. Просто мне самому как-то не особо что-то нужно. Ну да, можно попутешествовать. Это интересно. Пообщаться с талантливыми людьми. Вот с Маркесом бы хотелось... Но это – как-то не на первом плане. На первом плане – творчество. Жизни осталось так мало, а планов – так много...

У каждого человека есть Мечта. Мечта-Идея. Скажите, то о чём Вы мечтали сбылось?

Написать и издать всё, что есть у меня в планах. И, конечно, пусть денег будет достаточно для того, чтобы не думать о них и о завтрашнем дне.

Опять повторяюсь, но ничего не поделаешь. Наступает момент в беседе, который я очень не люблю. Приходится расставаться с гостем. Обо всём ли удалось спросить у нашего собеседника? Нет конечно, формат нашего разговора к сожалению не позволяет этого сделать.

Позвольте Вас поблагодарить за интересные ответы. Спасибо. Желаю Вам Здоровья и Счастья. Любви и Благополучия. Творческих успехов. Мир Вашему Дому. И в заключении попрошу вот о чём. Скажите Тост или Здравницу.

И Вам всего светлого в жизни. И всем Вашим читателям. А творческим людям – вдохновения и удачи в осуществлении своих планов.

Беседа закончилась. На всём её протяжении не покидало ощущение, что человек занимается любимым делом. Да, трудно. Да, на всё не хватает времени. Но целеустремлённость и трудолюбие даёт силы. Силы, что бы не останавливаться на достигнутом.

Очень добрый и порядочный человек с немного грустными глазами...Пара фотографий, две песни на слова Александра Сидорова. Известные песни, ну и конечно же Подарок. Без Подарка нельзя.

Февраль . 2011 год

[Подпишись.](#)